ИГОРЬ СОКОЛОВ

КАК МОЯ ЖЕНА ИЗМЕНЯЛА МНЕ

Игорь Соколов

Как моя жена изменяла мне

«Издательские решения»

Соколов И.

Как моя жена изменяла мне / И. Соколов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-741277-7

Сборник рассказов о любви. Часть рассказов объединяет три символа — Любовь, Абсурд и Преступление, именно так и назывался этот цикл. Но данный цикл был объединен и с другими юмористическими и эротическими рассказами автора.

ISBN 978-5-44-741277-7

© Соколов И.
© Издательские решения

Содержание

Муж и жена как одна сатана 6
Хромоножка 10
Обладание по объявлению 12
Старые и молодые 16
Дама с пистолетом, или Тайна Души 17
Любовь на всю жизнь 24
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Как моя жена изменяла мне

Игорь Соколов

Дизайнер обложки Игорь Павлович Соколов
Иллюстратор Жан Труве

© Игорь Соколов, 2017
© Игорь Павлович Соколов, дизайн обложки, 2017
© Жан Труве, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4474-1277-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Муж и жена как одна сатана

Безумству храбрых поем мы песню.
М. Горький

Эта история случилась совсем недавно с моим очень хорошим приятелем. Просто однажды он напился и рассказал ее мне.

«Моя жена была очень маленькая, зато ласковая и нежная, и не только в постели. Когда я что-нибудь делал не так, да еще нервничал, она мне очень мило улыбалась, манила к себе пальчиком и тихо шептала на ушко: «Ах, мой котик, не расстраивайся!» И почему я тогда сбежал от нее, до сих пор не могу понять, хотя фигли тут думать! Скорее всего, по своей бесшабашной наивности я думал, что в жизни всегда существуют еще более лучшие варианты, главное, только не робеть и хватать свою судьбу за ноги! Так или иначе, а мне попадались самые разные женщины, блондинки, брюнетки, толстые, худые, очень аппетитные и ненасытно-сексуальные, но ни одна из них не была такой доброй и ласковой, такой обаятельной и внимательной как моя жена!

Вспоминая мою драгоценную спутницу, я ночами часто плакал, по нескольку раз прокуручивая видеозапись нашей свадьбы. Когда я снова попытался вернуться к жене, у нее уже был другой мужчина. Этот здоровенный и низколобый зверь быстро схватил меня за шиворот и выкинул за дверь, да еще крикнул вдогонку, что переломает мне ноги, если еще раз увидит меня у моей жены! Моя дорогая половинка в это время, молча за его спиной, улыбалась мне и плакала, помахивая на прощание белым носовым платком. Тогда я вышел на улицу весь красный от возмущения, сел на скамейку и тоже заплакал.

В эту минуту мне не хотелось жить, а еще я думал, что моя жизнь потеряла для меня всякий смысл, и не фига тут мне делать! От отчаяния я даже решился чем нибудь отравиться. Поскольку моя душа уже была отравлена глупым существованием, я надумал излечить её, напившись водки.

Но от водки на голодный желудок у меня сильно разболелся живот, а ещё через две минуты меня как-то благополучно вырвало! Возможно, и я в этом абсолютно уверен, Бог проявил ко мне свое милосердие, и в то же самое время, ко мне пришла моя жена. Оказалось, что она тоже жутко страдала и мучилась, и тоже пыталась зацепить себя за что нибудь, но люстра вместе с ней оборвалась, и женушка моя упала, слегка прихватив вместе с вырванной люстрой и часть потолка. Вскоре к ней прибежал жаловаться сосед сверху, у которого начал проваливаться пол.

Ну, а потом сосед ее вдруг пожалел и остался у нее жить.

Сначала она вроде не хотела, всё ещё надеясь на мое возвращение, но он, гад уломал её своими подарками. Ведь когда у него начал проваливаться пол, он сразу же прибежал к ней с цветами и с шампанским. Ну, а потом перед этими событиями, она видела меня на улице, идущим под ручку, с какой-то отвратительной блондинкой, и поэтому сразу после неудачного суицида, уже ближе к вечеру, отдалась соседу.

Сосед немедленно переехал к ней, а свою квартиру продал, а деньги положил в банк под большие проценты.

И что теперь нам делать, она не знает! Со слезами обнял я мою нежную супругу и все ей простил, и она меня тоже!

Ах, Боже! И вот мы с нею стали думать, как избавиться от этого злополучного соседа! Я тут же предложил его отравить, но моя ненаглядная никак не соглашалась. Уж очень она боялась, что врачи вскроют его, проведут анализы и узнают причину его смерти, а нас за это вместе-то и осудят!

Тогда я предложил ему на голову сверху, с крыши сбросить кирпич! Эта идея очень понравилась моей жене, и мы вместе стали тщательно обдумывать план ее реализации. В ту минуту эта идея нам показалась удачной и легко осуществимой. Мало ли какие кирпичи не падают с крыши, об этом даже что-то вроде поговорки есть или какого-то афоризма.

И настал день и час Икс. Я заранее забрался с дюжиной кирпичей на крышу, чтобы уж точно попасть куда следует, захоронился за будкой на крыше и стал ждать.

Наконец показалась его блестящая лысина! Я со всего маху шлеп ему кирпичиком по башке, а сам бежать со всех ног! Однако, кирпич лишь частично задел его голову, из-за чего сосед остался жив, но с этих пор у него чего-то плохо стало с памятью, и вообще с головой.

Кроме всего прочего, у него возникла какая-то необъяснимая агрессия к моей жене. По ночам он заставлял ее вставать на четвереньки и целовать ему ноги, а сам в этот момент бил ее ремнем по голой попе, приговаривая: «Люби меня, не то убью!»

– Хорошо, хорошо, я тебя слушаюсь, – торопливо всхлипывала моя жена. Теперь она уже боялась его убивать, а об измене ему со мной не могло быть и речи!

– Но я же твой муж! Мы с тобою даже не развелись! – убеждал ее я.

– Это не имеет никакого значения! – отвечала моя жена и тут же рыдала, не в силах справиться со своим страхом.

Так моя жизнь превратилась в ад! Я понял, что смогу назад заполучить свою жену, только убив соседа, но как это сделать лучше, я не знал и целыми днями ломал над этим голову.

Из-за частых провалов в памяти соседа уволили с работы, но самое ужасное, что он стал путать мою жену со своей бывшей женой, которая сбежала от него с каким-то генералом, и теперь он наказывал ее как свою бывшую. Временами память возвращалась к нему, и тогда он просил у моей жены прощения.

– Очень хорошо, я тебя прощаю, – со страхом говорила ему моя жена. Однако, чем больше она его боялась, тем больше напоминала ему его бывшую жену.

День за днем его пытки становились все более изощренными. Как-то раз он приделал к потолку здоровенный крюк, за который подвешивал связанную по рукам и ногам жену, и в этом положении овладевал ею сзади, при этом хлеща ее по спине плеткой, и заставляя громко и безнадежно долго повторять свое имя.

– Петя, Петя, Петечка! – кричала моя плачущая жена. Когда она мне это рассказывала, волосы у меня на голове встали дыбом, а зубы заскрипели так, будто я уже в предвкушении мысленно пожирал этого мерзавца! Наконец я не выдержал и снова пошел к себе домой.

На этот раз я открыл дверь своим ключом. Зная, что сосед намного здоровей меня, я заранее прихватил с собой ножик, но он мне совершенно не понадобился! Как только я открыл дверь, ко мне в объятья кинулась рыдающая жена. Оказалось, что у нее сдали нервы, и она сама его прикончила нашим же кухонным ножом из набора «бошевских ножей», который я же сам купил в супермаркете на день рождения своей ненаглядной! Просто был момент, когда эта сволочь опять попыталась ее связать, чтобы снова подвесить за крюк и продолжить ее мучение! И все!

От пережитого нами потрясения мы обнялись с нею и заплакали, а вскоре завернули труп соседа в ковер и на такси вывезли за город. Таксисту мы отдали все свои деньги, поскольку были так безмерно счастливы снова оказаться вместе и в своем родном доме, что даже на время утратили чувство реальности. Но, буквально, через три дня таксист приехал к нам и потребовал от нас денег еще больше.

От страха мы с женой едва не спятили, и вообще у нас зуб на зуб не попадал, когда мы ему пообещали в течение месяца достать требуемую сумму. Необходимая сумма у нас была уже через неделю, именно такой срок нам понадобился, чтобы продать квартиру моих

родителей, правда солидный кусок нам пришлось отдать фирме, которая очень быстро провернула эту сделку. И тут моя жена совершенно неожиданно предложила убить таксиста.

– В конце концов, он просто так от нас не отвяжется! – убеждала меня жена.

Я с большой неохотою согласился, но в назначенный день таксист так и не явился. Мы с женой так сильно перепугались, что решили тут же обменять нашу квартиру на квартиру в другом районе, а может даже и в другом городе, но в это время, когда мы искали вариант обмена, к нам внезапно явился молодой человек, который представился сыном таксиста и потребовал деньги. От удивления я просто онемел.

– Но позвольте, откуда мы знаем, что именно вы сын таксиста?! А вдруг вы просто проходимец, который, может быть, по пьяной лавочке добыл у нашего визави необходимые сведения?! – вполне логично возразила ему моя жена.

– Ну, тогда посмотрите мой паспорт, вы же, наверное, помните фамилию и имя моего отца?! – и молодой человек протянул нам свой паспорт.

– И паспорт можно подделать! – усмехнулась жена. Для ее моральной поддержки я тоже улыбнулся во весь рот.

– Ну, хорошо, – вздохнул молодой человек, – давайте я вас тогда свезу на могилу своего отца!

– А он, что, уже умер?! – удивились мы.

– Да, – грустно вздохнул молодой человек, – он погиб в автокатастрофе. Сначала попал в аварию, а потом в больнице уже умер. Там в больнице, перед смертью он все же успел мне все рассказать.

– Да, ну, бред какой-то! – рассмеялась моя жена. Желая ее взбодрить, я тоже громко рассмеялся молодому человеку в лицо, а потом выгнал его вон из нашей квартиры. Он сопротивлялся, но очень слабо, что позволило мне за одну минуту избавиться от него.

– Нам надо срочно меняться! – нахмурилась жена. Складка между двух бровей сделала ее

потрясающе суровой женщиной.

– Ну, допустим, мы поменяемся, – вздохнул я, – но эти люди, с которыми мы поменяемся, все-равно будут знать наш новый адрес, то есть свой старый! Так что ничего мы от этого не выиграем!

– Тогда ее надо продать! Продать и купить новую! – уже закричала жена.

– А зачем нам ее продавать, если у нас есть деньги от продажи квартиры моих родителей, – улыбнулся я, успокаивая ее, и гладя по головке ладошкой.

– Какой ты умный! – восхитилась мной она и мы тут же от нахлынувших на нас чувств, совокупились. Совокупление наше было долгим и страстным. Моя жена плакала от счастья за меня, а я плакал от счастья за нее, а потом мы с наслаждением пили эти слезы на щеках друг у друга. Слезы были очень соленые, как морская вода, а волосы были мокрые, как будто мы только что вышли из моря.

В этот же день мы сняли гостиничный номер, а через месяц въехали в новую квартиру, но, буквально, в день нашего вселения молодой человек снова пришел к нам в гости.

Теперь он был более убедителен, и в словах, и в жестах его ощущалась несгибаемая сила злой и ничем неуправляемой кроме жадности, воли.

– От меня не сбежишь! – злорадно усмехался он, сверкая прищуренными хитрыми глазами, – я как сыщик, кого угодно и где угодно разыщу! Если желаете, даже из-под земли достану!

– Ну, мы вам согласны, вы только подождите, – всхлипнула в отчаянье моя жена.

– Чтобы вы опять куда-нибудь удрали?! – засмеялся он весьма нарочитым искусственным смехом. А потом он демонстративно сел на стол и закурил, стряхивая пепел на наш новый ковер. Это так взбесило меня, что я тут же ударил его по голове большой китайской

вазой. Ваза разбилась, но его голова осталась цела и невредима, лишь одна небольшая ссадина у него на лбу чуть-чуть кровоточила.

– Вы еще об этом пожалеете, – обиделся молодой человек, направившись к выходу, но в эту минуту моя жена хлопнула его по затылку будильником. Будильник рассыпался, но его голова опять осталась целехонька.

– Хоть бы часы пожалели, – попытался пошутить он, оборачиваясь к жене, но она в этот момент обрушила ему на голову, недопитую нами бутылку шампанского, которую мы раскрыли как раз по случаю нашего с ней новоселья.

Молодой человек успел произнести только один единственный слог: «га», возможно, он хотел сказать «гады» или «гадина», но мы так ничего и не поняли, потому что он умер.

И тут же от нахлынувших на нас чувств, мы с женой расплакались и совокупились, взволнованно поглаживая руками во время совокупления, остывающее тело молодого человека, будто сомневаясь в его тогдашнем существовании…

Уже наученные горьким опытом, мы не стали вызывать такси и завертывать его труп в новый ковер. Мы поступили иначе, мы купили очень большой и вместительный чемодан, куда уложили тело молодого человека, а потом свезли его к нам на дачу, где зарыли его под раскидистой вишней. Весной на ней цвели цветочки, а мы с моей ненаглядной ими любовались, и с неподдельной грустью оплакивали в душе такую короткую и никчемную жизнь молодого человека, и думали, думали: «Как же неисповедимы пути твои, Господи!»

Впрочем, на этом наше с женой злоключение не кончилось! Как-то вечером, наверное, уже спустя год, к нам пришла какая-то старушка и сразу же с порога стала орать, куда мы дели ее внука! Будучи вполне опытным психиатром, я вызвал спецбригаду, которая увезла старушку в психиатрическую больницу, где она и провела остаток своих дней, находясь под неусыпно бдительным взглядом моего ближайшего коллеги. Конечно, тут сразу же возникает вопрос: «А почему тогда я не мог также поступить и с соседом, который истязал и мучил мою жену?!

Наверное, я никогда не смогу найти ответа на этот злополучный вопрос. Возможно, страх моей жены передался и мне, а я в свою очередь был как кролик удавом, парализован этим самым жутким страхом! И еще я хотел умолчать о старушке. Почему-то мне показалось, что моя совесть тогда останется чистой и незапятнанной хотя бы для окружающих меня людей, но постепенно я пришел к выводу, что людям, в общем-то, наплевать какая у меня совесть а вот, перед Богом-то и в самом деле не спрячешься! Он-то у нас, вроде как Вечный, хотя Бог его знает!

И еще, вся моя храбрость во мне была только от нашей с женой безумной любви, от очень страстного и горячего совокупления. И это уже я осознаю все яснее, с каждым днем все яростнее совокупляясь с нею, будто благодаря этим безумным взаимным толчкам нашей плоти, мы смываем с нею с себя все наши грехи!

Хромоножка

Женщина с ампутированной ногой, то есть совсем без ноги, согласилась на встречу со мной, вероятно, потому что вследствии своей хромоты из-за протеза, и вообще из-за своего несчастия была крайне одинока.

Ее согласие не столько удивило меня, сколько разозлило…

Просто была одуряющая жара, а поэтому я сбежал с лекции по семейному праву и бродил один по городу, и иногда дурачился, совершенно невинным образом приставая к молодым женщинам, громко смеясь и выставляя напоказ юную и глупую неприкаянность оголодавшего в большом городе студента… И вот в этот жаркий, душный и почти беспамятный день я вдруг наткнулся на неуклюжую хромоножку, и стал от скуки заводить бессмысленный разговор о древнегреческой философии, в частности о Платоне, о его несчастной и невостребованной любви к Сократу, как к одухотворенной женщине, которую до него еще никто по-настоящему так и не познал, и еще,

Бог знает о какой чертовщине, я ей тогда говорил… И все это с самым непринужденным смехом, с идиотским подмигиванием… Другая бы обозвала меня как нибудь, но только не она! У нее ведь не было ноги, а из-за своего протеза, она хромала и очень стеснялась себя… А потом эти ее костыли… Мне кажется, что они вообще лишали ее надежды найти себе мужчину!

И я, может быть, первый, кто подошел к ней и заговорил, и сказал ей добрые слова…

К тому же я был юн и свеж как Апполон… А женщины любят таких…

И вот она отбросила свои костыли, схватила меня, обняла, прижала к своему тощему тельцу, и даже повисла вся целиком на мне, в центре города, на середине главной площади Владимира Ильича Ленина, великого вождя нашей пролетарской революции, несчастная хромоножка обняла меня и расплакалась, и неожиданно стала целовать от какой-то безумной-бесовской жажды своего нерастраченного и невостребованного, жалкого и инвалидного Эго, а может быть, чувства, которое возникает сразу и навсегда…

Я тут же обезумел, стал шептать сальные шуточки насчет восхитительного секса с ней и на виду у всех… Но это ее нисколько не испугало, и даже не оттолкнуло от меня… И тогда я назначил ей встречу в своей общаге, уже намереваясь затащить ее к себе в холостяцкую комнату, откуда я быстро выгнал всех друзей-соседей… Для начала я промыл полы, сбегал за водкой, даже цветы с клумбы нарвал, с каким-то особенно запоминающимся запашком, и в бутылочку из-под пива поставил…

Потом пришла она, точнее не пришла, а приковыляла… У нее был очень жалкий вид, но она этого не замечала, или пыталась не замечать… Пила она водку, как и я стаканами, даже ни разу не поперхнулась, мгновенным залпом, и даже едва заедая хлебом с ливерной колбасой…

Часто принюхивалась к корочке черного хлеба, она смеялась как сумасшедшая, а я глядел на нее как опытный исследователь человеческих душ, и думал с грустью о том, что между нами все обязательно произойдет… Хотя совсем неожиданно раздумал, а потом снова ее захотел…

Просто у меня уже давно не было женщины, а поэтому я рад был даже этой хромоножке… А потом, когда мы легли, она вдруг заплакала, и я понял, что она девушка, и что у нее до меня никого не было… И я сразу же захотел все прекратить, но она меня заставила…

Она целовала меня везде, она целовала все мое тело, фаллос, и даже языком забиралась в мои уши… И одновременно с этим она меня умоляла, она плакала уже из страха, что это никогда не произойдет в ее жизни… И я вошел в нее, как она этого хотела, и излил в нее свое

семя… Я сделал все, как она просила… На какое-то мгновение я почувствовал себя диким зверем и укусил ее ухо…

Алая-алая кровь размазалась по всей простыне как безупречное свидетельство ее невинной красоты…

Ее лицо изливало в меня удивительный свет… Между толчками разгоряченной плоти и хмельных ароматов нашей терпкой любви, я разглядел в ней волшебное существо… Потом сосед Анючин громко застучал в дверь, нарочно, зная, что здесь происходит… Открыв дверь, я ударил его наотмашь кулаком в нижнюю челюсть и он улетел в комнату напротив…

Через час я ее провожал, с какой-то необъяснимой и дикой грустью я глядел в ее глаза, слыша, как мои друзья-соседи гнусно посмеиваются сзади… И их грязный смех, и ее неуклюжая походка, костыли, и облезлые стены неприкаянного жилища, каким было в тот миг мое общежитие, все слилось в тот миг для меня в единое целое, из чего состоял весь мой внутренний мир…

Как потом я узнал, она родила ребенка, и даже вышла за кого-то замуж… Некоторое время я пил, встречался с легкомысленными женщинами, и еще врал самому себе про то невинное существо, каким была моя хромоножка, врал про отсутствие чувств, хотя они жили и клокотали во мне, каждый раз, когда я видел хромых и убогих обезноженных людей…

Впоследствии все это прошло, и я научился с помощью времени смывать свои старые грехи, и даже понимать свое прошлое, а самое главное, жалеть тех людей, которые когда-то мне были дороги… или наоборот, отвратительны…

Обладание по объявлению

Может, эта женщина и никогда бы не стала такой холодной и расчетливой самкой, рыскающей в дебрях разврата, если бы судьба ее не сложилась так нелепо, и так удачно сразу…

Будучи уже никому ненужной, перезревшей девой сорока лета, она неожиданно вышла замуж за старого еврея, который очень скоро, через год после торжественного бракосочетания, отдал Богу душу, не забыв при этом отдать своей спутнице шикарный особняк на берегу Москва-реки, и целую бизнес-империю, работавшую как часы, и дающую постоянный доход в несколько миллионов долларов. Родственники Абрама Исааковича большей частью вымерли, а последний живой племянник покинул Россию еще лет 10 тому назад, и с дядюшкой своим вообще не знался, да и сам дядюшка был несколько скуповат на родственные чувства.

Прекрасная жизнь, отличнейшая выпивка и абсолютная свобода, поддерживаемая богатым наследством, пробудили в ней исключительно звериные инстинкты, благополучно спящие в ней до этого. Она с удовольствием стала почитывать маркиза де Сада, а вскоре обзавелась кожаной плеткой, намордником и стальными наручниками. Для первых своих экспериментов, ведущих ее в мир садомазохического восприятия, она выбрала собственного водителя. Водитель был рад потакать желаньям своей хозяйки за хорошую зарплату, но однажды, как то случайно, в хмельном угаре, был забит ею до смерти. Как оказалось, у водителя было очень слабое сердце. В общем, он улетучился не от побоев, а от сердечного приступа.

– Ну, ничего, ничего! – потирала она руки в сладострастном предвкушении очередной толики своего женского счастья. Теперь она отбирала мужчин, серьезно проверяя их физические данные с помощью опытных медиков.

Частная клиника, с которой она заключила долгосрочный договор на 20 лет, дотошно проверяла всех ее избранников на физические слабости и недостатки. Терапевт проверял их давление и сердца, стоматолог – зубы, венеролог – наличие болезней, передающихся половым путем, хирург проверял правильность осанки и наличие плоскостопия, сексопатолог проверял их потенцию с помощью своеобразного теста на сексуальную возбудимость, астролог устанавливал возможность сексуального контакта в астрологическом аспекте, чтобы избежать нежелательных астральных последствий.

В общем, каждый был занят своим делом. Работа кипела во всю. Претенденты на садомазохический сексуальный контакт выстраивались к ней в очередь. Цена контакта, как и контракта, была просто сногосшибательной!

Однако постепенно ей это все до чертиков надоело. Ее стало тошнить как от мужчин, так и от садомазохических оргий с ними. Неожиданно она решила жениться. «Мне нужен жених, – говорила она подруге, – и не просто жених, а семнадцатилетний девственник, блондин, родившийся под знаком Овна. Откуда я это взяла?!

Да, у меня астролог свой есть, он мне и подсказал!» Так вскоре в газетах и журналах знакомств, и также в Интернете появилось очень странное объявление: «Богатая и свободная женщина 40 лет, родившаяся под знаком Близнецов, ищет семнадцатилетнего девственника – юношу, блондина, родившегося под знаком Овна, для крепкого брачного союза, с обязательным исполнением любых ее желаний».

Внешне она представляла собой весьма обманчивое совершенство, которое в ней зримо создавали деньги, потраченные на 5 пластических операций, и одежду от нескольких известных модельеров, включая Юдашкина и Пьера Кардена. Очень часто она мучилась воспоминаньями о грязном и вонючем старике, каким был в последние три месяца своей жизни Абрам Исаакович.

О, если бы он не умер, то она бы точно сошла с ума или отравила его какой-нибудь гадостью, но Бог есть, он исполнил ее самое заветное желание, она стала богатой наследницей и теперь могла реализовать любые свои желания и фантазии, даже не заботясь, чтобы они точно соответствовали требованиям существующего закона.

– Закон, что дышло, куда повернешь, туда и вышло! – часто приговаривала она, хлеща любимой кожаной плеткой своего очередного, закованного в наручники, и одетого в намордник, избранника. Кроме этого, она с какой-то необъснимой яростью стала везде, с кем не беседовала, отрицать превосходство мужчин.

– Мне нужен девственник, – сердито отвечала она по телефону зря объявившемуся избраннику, – девственник, которого я сама сделаю мужчиной и вдобавок озолочу, и буду еще держать на поводке, чтобы он не смел глядеть ни других, а глядел только на одну меня!

Постепенно на ее объявление откликнулось множество юношей, но все они или были старше 17 лет, или родились не под знаком Овна, или вообще не были девственниками.

И все же через месяц он нашелся, тихий, скромный юноша с испуганным взглядом, как у лесной лани пойманной охотником, он не звонил по телефону, а пришел к ней сам. Студент 1-го курса Лесотехнического института (отсюда и сравнение), недавно потерявший своих родителей в автокатастрофе, и теперь лишенный возможности получить платное образование, решился на этот отчаянный шаг, чтобы не попасть в армию и закончить институт.

– Представляешь, бедный юноша хочет во чтобы-то ни стало получить никому ненужное в нашей стране высшее лесное образование! – смеялась она по телефону такой же состоятельной подруге, – правда, ему уже через два дня будет ровно восемнадцать, но это все ерунда, самое-то главное он у меня девственник, и родился под знаком Овна!

– Да, ты просто сумасшедшая! – смеялась подруга.

– Зато счастливая! – смеялась она еще громче.

В обозначенный день и час юноша к ней явился, уже одетый в белый костюм, оранжевую рубашку и ядовито зеленый галстук не без помощи ее менеджера по сексуальным услугам.

– Ну, что ж, мой мальчик, ты готов стать моим мужем?! – хищно изогнув накрашенные губы, засмеялась она и тут же повалила юношу на диван, впившись в его губы жадным поцелуем. Явно смущенный таким обхождением юноша, отодвинулся от нее, как только она его отпустила.

– Ну, куда же ты, дружок, – она обвила его шею руками и тут же прижала его лицо к вырезу на своем муаровом платье, – теперь у тебя не будет имени, ты будешь просто моим мальчиком, мальчиком-с-пальчиком! Ты согласен?!

– Да, только я бы хотел оговорить условия нашего контракта, – залился краской стыда юноша.

– Ну, говори, что ты от меня хочешь, – она обиженно закурила сигару и дыхнула ему в лицо дымом.

– Кх-кх, – закашлялся юноша.

– Ну, говори, не тяни резину! – нахмурилась она.

– Я бы хотел окончить Лесотехнический институт, и учебу надо оплатить, это первое условие! Потом я не хотел бы идти в армию, это второе условие, и третье я хотел бы иметь свой личный автомобиль!

– Хорошо! – улыбнулась она, деньги на институт будут, от армии я тебя отмажу, и личный автомобиль тоже будет, но при условии, что в нем ты будешь возить меня, куда я того сама пожелаю!

– Ну, конечно! – согласился юноша.

– Хотя мы делим еще шкуру неубитого медведя! – лукаво усмехнулась она, – ведь я еще не знаю, как ты покажешь себя на деле?!

– Вы имеете в виду, в постели? – смущенно переспросил ее юноша.

– Ну, а где же еще-то?! – она смеялась с задором и бросала на юношу пламенные взгляды, – ты ведь уже хочешь меня, не так ли, мой маленький Мук?!

Она снова обвила его шею руками, положив сигару в пепельницу на столике.

– Ну?! – вопросительно заглянула она ему в глаза.

– Я даже не знаю, как это происходит, – прошептал, вздрагивая всем телом юноша.

– А я тебя научу! – прошептала она и поцеловала его, запуская язык в его маленький ротик. Вообще по сравнению с ее пышным телом, с ее прекрасной осанкой и высоким ростом юноша представлял собой весьма смехотворное зрелище, он был такой низенький, такой маленький и худощавый, будто его давно ничем не кормили, и именно это еще больше возбуждало ее.

– Я тебя проглочу! – страстно шептала она, моргая густо накрашенными ресницами.

– Мне больно! – шептал юноша, крепко стиснутый ее могучими руками.

– А ты терпи! – приказала она ему, – Бог терпел и нам велел!

Неожиданно он попытался ей сопротивляться, тогда она ударила его ладонью по щеке и повалила на пол, укрытый толстым персидским ковром, навалившись на него всем телом.

– Ты, что хочешь, чтобы я вызвала охрану?! – хрипло пробормотала она.

– Простите, я не хотел! – юноша тут же сделал ей такую умоляющую рожу, что она громко рассмеялась.

– Ну, что же, тогда за дело! – с грубой решительностью она сорвала с него и пиджак, и брюки, и рубашку, а через минуту трусы. Правда, последний предмет он еще слабо попытался отвоевать, за что она влепила ему пару затрещин.

– Теперь ты мой, мой, понял?! – и жарко дыша, она вся воспламенилась, будто какое-то пьяное безумие охватило ее при виде этого распростертого под ней и по-детски тонкого и беззащитного тела. Она ласково покусала его маленькие ушки, удовлетворенно облизала его смущенную физиономию, а через мгновение вошла в него всей своей животрепещущей массой, и уже навсегда опорочила его, сделав ручным и послушным ей домашним зверьком.

Совершенно безграмотный в юридических тонкостях, а уже потому несчастный студент Лесотехнического института заключил с ней брачный контракт, в котором он поклялся ей всеми святыми, что будет с ней жить до самой смерти, и верен будет ей до гроба. Венчание в католическом храме, поскольку студент был католиком, еще более скрепило их брачные узы.

Теперь у него было все: джип «Лексус», великолепная одежда, самые лучшие рестораны и курорты мира, куда он устремлялся со своей новобрачной, даже двойник, который за него учился и сдавал экзамены в институте. А еще его поставили на учет в психдиспансере, и сняли с военного учета в военкомате.

В общем, у него было все кроме единственной свободы.

С каждым днем новобрачная становилась все требовательнее в постели, кроме всего прочего, она заставила его постоянно употреблять «Виагру», и пользовалась им теперь как вещью, и утром, и вечером, и даже посреди ночи.

Вдобавок ко всему он вынужден был каждый день выслушивать ядовитые насмешки ее охранников и прислуги, которые исподтишка всякий раз корчили ему рожи, а еще называли «отсосом», поскольку знали о ее пристрастии к оральному сексу.

В конце концов, его рассудок действительно помутился, и он стал разговаривать сам с собой. По ночам ему снились кошмары, как его законная половина овладевала им и тут же превращалась в страшное чудовище.

Она пыталась его лечить с помощью известных профессоров, и даже на какое-то время это лечение ему помогло, но однажды он отпросился у нее на часок погонять в ближайшем ресторане бильярд, сел в свой «Лексус» и навсегда скрылся, исчез из ее жизни.

– Вот сволочь, совершенно ни капли благодарности! – плакала безутешная жена, думая о том, что он сбежал. Целый месяц она скулила как побитая собака, но однажды ее вызвали в прокуратуру, и там от следователя она узнала о том, что на дне Москвы-реки нашли ее «Лексус» и труп ее бедного мужа, который, по-видимому, напился в ресторане и не справившись с управлением «Лексуса», сорвался с моста, однако машину снесло очень мощным течением, и поэтому поиски ее, как и самого водителя продлились так долго.

– Его гибель была неизбежной, – с каким-то странным облегчением вздохнула она, разговаривая по телефону с подругой, – зато он не достался никому после меня! Совершенно никому!

– Ну, ты и стерва! – восхитилась ею подруга.

– А ты думала?! – торжественно и злорадно рассмеялась она.

Со временем она не только успокоилась, но нашла себе еще одного мальчика, который каждый день и час, как по мановению волшебной палочки, удовлетворял ее волчий аппетит, и в этом и состоял весь абсурд ее жизненного парадокса, потому что ее «Я» искало утверждения этого бессмысленного мира в себе.

Одна жертва была уже принесена – и она успокоилась.

Отсюда мысль – Любая Смерть имеет свое роковое предназначение. Иными словами, смерть мальчика – мужа смысла позор с ее собственного существования, чтобы она снова обрела тот же самый позор!

Старые и молодые

Умен лишь тот, кто также глуп как мы,
Нас всех несет в объятья сладкой тьмы…
Д. Дидро

Только ночью и при задернутых шторах, в глухой темноте своей единственной спальни старик со старухой опять занимался любовью, привычка в этом была и тень воспитанья, но главное все же, было в нем отвращенье к ее безобразному телу и чуть к своему…

– Ха-ха, удовольствие! Есть, но самая кроха, – старик рассуждал про себя, обнимая старуху, – а впрочем, на жизнь обижаться, наверное, поздно!

– А сил у него как у быка молодого, – старуха думала тоже и часто вздыхала, – с годами уродства все больше, здоровья все меньше, а этот боров едва ли бывает мной сыт?!

И так они жили себе и думали вместе, но всяк о своем, едва замечая, как время уходит и сыпется будто песок, из колбы в колбу, минуты собой измеряя…

А жили они у самого Черного моря, в селенье совсем небольшом, но все же курортном, и был у них домик один на двоих, тихий садик с беседкой, еще подвесной умывальник в тени кипарисов, и комнатушка, которую часто сдавали за деньги внаем…

Однажды днем в середине жаркого лета к ним попросилась одна влюбленная пара, то ли с невестой жених, то ль с попутчицей близкий попутчик, сейчас молодых не поймешь, где хотят, там со страстью трясутся, как угодно друг с другом живут, никого не спросясь…

То ль с завистью, то ль просто в забытье на молодую пялилась старуха, старик от похоти безумной ошалев, в дом забежал, лег на постель и сном забылся, покуда сам себя всего не истерзал…

Дни шли и молодые отдыхали, купались в море, в местном баре танцевали, и старики порой не замечали своих жильцов, живущих через стенку… Лишь только ночью, слыша стон младой в постели, старик старуху обнимал и разгорался такой безумной страстью, что старуха его броска до ужаса боялась…

Как-то поздно вечером с прогулки молодые еле возвращались, дань отдав святому Дионису, перепробовав с десяток редких вин, они под кипарисом развалились, из них не шевелился не один… Десятый сон, наверно, видела старуха, когда старик сидел у дома на скамейке, и улыбался, видя спящих молодых…

Под тенью кипариса как две тени они совсем безмолвные лежали, удивляя беззащитностью сознанья… Когда ты пьян – ты ничего не помнишь, как будто выпитое память отключает, и вместо человека пируэтом марионетка в путь таинственный шагает…

Вот в этот час и сбылись все желанья у обезумевшего в грустном одичанье…

Как хитрый зверь неслышною походкой он к молодой красавице подкрался и быстро спящую унес за дом в беседку…

Подняв у платья легкий парус, сорвав вставною челюстью трусы, едва учуяв сокровенну заросль, старик вошел в нее всем трепетом души… Она сквозь сон в объятиях стонала, как будто в ней совсем другая жизнь по-своему ей что-то объясняла, раскрыв один какой-то тайный смысл… Старик нашел ее благое место, она вскричала так, как никогда не испытала даже будучи невестой в руках у молодого жениха…

В тот миг жених ее едва очнувшись, спьяну не в ту комнату вошел, обняв старуху, взял ее за ушки и быстро насадил на свой же кол… Так страсти тлели, с чувством разгораясь, старуха вдруг от счастья умерла, невеста понесла от старика, жених сбежал от пережитого позора, но суть по прежнему осталась глубока, напрасен крик: «Скорей держите вора!»

Судьба у всех крадет богатство навсегда!

Дама с пистолетом, или Тайна Души

«Каждый греется в собственном аду»
Н. Н.

Кто-то в меня выстрелил. Откуда?! Я даже не понял, но кажется, откуда-то сверху, с 20 или с 25 этажа.

Пуля прошла навылет, около сердца, а еще я упал головой на асфальт, разбив одновременно и лоб, и нос, и даже свой выделяющийся как у баснописца Эзопа подбородок…

Я лежал на животе, думая, что лучше притвориться на время мертвым, чтобы тот таинственный стрелок зря не тратил на меня патроны, а еще у меня в голове складывалась какая-то поэтическая белиберда: «Погиб несчастный гражданин в расцвете лет, ревнивый муж в него направил пистолет…»

Просто я возвращался под утро от своей очередной любовницы, чтобы улечься в постель прежде, чем моя жена проснется, и тут этот дурацкий выстрел, мое ранение, плюс неудачное падение, и сплошная тайна, окутанная сумерками и туманами…

Впрочем, тумана и не было, просто туман из моей головы выделился как некая эманация в воздух, отчего вся реальность казалась вывернутой кем-то наизнанку, и обернутой в черт знает что…

Мысль о том, что я нахожусь уже на краю гибели, упрямо посещала мой мозг. Как опытный дегустатор я перемешивал в себе и ужас, и тоску, и боль, хотя удивительная по своему спокойствию тишина царила повсюду и вызывала одно лишь психическое расстройство, почему-то никто не отозвался на звук выстрела.

Наконец, какая-то женщина вышла из дома, и, увидев меня, тихо заохала, прижав свою миниатюрную черную сумочку к груди, достойной кисти Ренуара.

Грудь у нее действительно была обнажена, и даже в ее черном платье для этого был сделан специальный вырез… Высокая брюнетка с серо-голубыми глазами выглядела как шпионка из современной Бондиады, она была смешна, таинственна, и очаровательна одновременно…

От восхищения я даже послал ей воздушный поцелуй, но красавица даже не пошевельнулась…

«Что нужно дивной незнакомке, ее ведь тоже могут подстрелить, но нет, лукавая улыбка вдруг озарила все ее лицо, и тут я понял, что она в меня целенаправленно стреляла, как будто в мир иной на встречу посылала, как многих, прежде недоступных ей мужчин…»

Она была очень близко, еще она как-то странно склонилась надо мной и страстно задышала. Вполне возможно, что ее возбудил запах моей крови, а может, просто возбуждали лица противоположного пола? Так или иначе, а я лежал как пойманная жертва, как самое беззащитное на свете создание, я лежал, раскинув широко руки, и готов был в любую минуту разрыдаться.

Кажется, она это почувствовала, и ее пугающая меня улыбка с лица исчезла, а ее место заняла другая, жалостливая и сочувственная улыбка, со слезами на глазах.

– Я помогу тебе встать, обопрись на меня!

Странное ощущение, ощущение разверстой бездны, в которую она меня пытается втолкнуть, и тут же вытолкнуть обратно. Я поднимаюсь, опираясь на нее, на ее тонкую талию, на ее хрупкое плечо, ощущая запах лаванды от ее длинных распущенных волос, которые щекочут мои окровавленные ноздри. Она меня куда-то ведет, но мне уже все-равно. Чувство какого-то абсолютного безразличия вместе с притупившейся болью окунуло меня в пленку густого белоснежного тумана раннего утра. Я даже не заметил, как она усадила

меня в свое «авто». Так, не узнав ни марки, ни цвета, ни номера ее автомашины, я сидел в мягком кресле с подлокотниками, тупо глядя, как она включает зажигание красной кнопкой, после чего закуривает тонкую дамскую сигарету с золотым ободком, совсем не замечая меня, будто я для нее уже давно превратился в неодушевленный предмет. Желание задать ей вопрос превратилась в мучительную пытку моего сознания: она смотрела вперед, будто меня не было рядом с ней.

Забыв вопрос, который я хотел ей задать, я забылся тревожным сном, чувствуя даже во сне, как туман этого утра смешивается с туманом, царящим в моей голове. Очнулся я уже, когда машина остановилась в глухом лесу на цветущей поляне, от которой пар вился как дымок, а бесноватые птицы носились с таким диким пением, словно заражаясь безумием от гипнотического взгляда незнакомки, устремленного мне в самую душу. «Ну, вот, теперь она меня убьет», – подумал я, с ужасом глядя, как она достает из сумочки свой пистолет.

– Ты, наверное, думаешь, что я тебя сейчас убью?! – усмехнулась она.

– А что еще мне остается думать? – жалко улыбнулся я в ответ.

– Не бойся, у тебя имеется шанс остаться в живых! Если ты меня прямо сейчас трахнешь

на этой поляне, то я смилуюсь и пожалею тебя!

– Боюсь, моя рана помешает задуманному вами сценарию вашего досуга!

– Ничего страшного! Ты просто ляжешь, и не будешь двигаться, все остальное я сама устрою!

«Надо же какая хитрожопая стерва!» – разумеется, подумал, а не выразился вслух я.

Она быстро помогла мне выйти из машины, и лечь на постеленное ею одеяло, и с нетерпением стала стаскивать с меня одежду, предварительно наклеив марлю с пластырем на мою кровоточащую рану. Оставаясь неподвижно лежать, я боялся не только заговорить, но даже глядеть на нее. Моя рана все еще ныла, хотя кровь уже перестала идти. В голове царил невообразимый шум. Я закрыл глаза и попытался о чем-то подумать, но мыслей не было никаких, даже не было ни страха, ни боли, только зудящее поползновение в вечную тишину…

– Почему ты не возбуждаешься! – закричала она, направляя в меня пистолет.

Я открыл глаза: голая стерва сидела на мне как наездница на коне, и безуспешно теребила мой безжизненный орган.

– Я просто устал и ничего не хочу!

– А может, ты хочешь умереть?!

– А хер его знает! – на мгновение я перестал ее бояться, пока она не сняла предохранитель, он щелкнул в моем сознании, и мгновенный ужас залепил мне глаза.

– Дайте мне, пожалуйста, время, и мои силы восстановятся, и тогда у нас, может все получиться!

– Сколько тебе надо времени? – нахмурилась она, опуская руку с пистолетом на траву. Еще одно мгновение и он уже лежал рядом с ней в траве, и я до него мог даже дотронуться, если бы захотел, но мысль о том, что она может это заметить, и опередить, парализовала меня, и я как кролик на удава, глядел в ее безумные глаза.

– Так сколько тебе надо времени?! – зло повторила она свой вопрос.

– Не знаю, а как вы думаете?

– Ты что, издеваешься надо мной?! – закричала она, опять помахивая перед моим носом пистолетом.

– Кажется, в нашем соглашении не было ни слова о времени, – улыбнулся я.

– Да?! – она оторопело уставилась на меня, как на профессора, высказавшего только что гениальную мысль.

Неожиданно изогнувшись всем телом, она проглотила мой орган целиком в себя, и тут же ток пробежал по всему моему телу, и я от возбуждения вцепился в ее распущенные волосы, продолжая видеть лежащий рядом в траве пистолет.

Ее длинное худое тело, узкие бедра, красное одеяло, зеленая трава и черный пистолет, ее двигающееся тело, ее вздрагивающие бедра, скомканное под нами одеяло, измятая трава и холодный вроде мертвый пистолет, и возбуждение уходящее вверх, на небо, как стезя к спасению, как дорога в совершенное НИЧТО…

Она стонала как раненая львица, а я молча касался ее теплых ягодиц, потом холодного пистолета в мокрой траве.

Это было как явь и наваждение, как яд и лекарство, само тело и предмет его убийства. Жертва и палач насилуют друг друга, управляя собой, подчиняя другого острой необходимости существовать в нем против своей воли, но с неистребимым желанием вторгаться в чужую среду, в ее самые сокровенные глубины… Мы закричали одновременно… Это был оргазм… Выход души из тела… Оргазм в квадрате ощущений, увеличенный сознаньем бытия…

Потом я схватил пистолет, но она тут же вырвала его у меня.

– Вся беда в том, что ты неудачник, – она улыбнулась мне сквозь слезы, и ее неожиданная блуждающая улыбка обезоружила меня моим же собственным вожделением. Я вздрагивал под ней всем телом, и она это чувствовала и еще ярче и сильнее улыбалась мне.

Голая на голом, в верхушках сосен солнце, для связи пистолет! Черт, побери! Меня вот-вот убьют, а я сочиняю стихи! И неожиданно для самого себя я их произнес вслух, и она рассмеялась, и снова положила пистолет обратно в траву.

– Я хочу еще!!! – Как можно требовать от человека Любви, оказывается можно, можно абсолютно все, и ничего невозможного в жизни нет!

Ее стройная тело изогнуто как змея, как лиана, как всякое хищное создание она была готова оплести собою весь этот мир.

– Почему ты все-таки стреляла в меня?!

– Фи! – скривилась она, продолжая гладить мои плечи своими руками.

Возможно, эта баба – идиотка, возможно, ей не достает чувства собственной значимости, и поэтому она стреляет по людям как по воробьям.

– Ты самый первый, в кого я выстрелила, – смущенно опустив голову, тихо заговорила она, – а потом я хотела сама себе доказать, что ничего не боюсь! И что я на многое способна! А потом мне стало тебя очень жалко, и я спустилась посмотреть!

– А почему звука от выстрела никто не услышал?!

– А никакого звука и не было! – засмеялась она.

Глушитель – сопроводитель в мир метаморфоз. На какое-то время я лишаюсь рассудка, но даже когда он и возвращается ко мне, я все равно не могу добиться ощущения подлинности бытия. Красивая женщина стреляет в незнакомого мужчину, ранит его, а потом отвозит в лет, и там заставляет его совокупиться с собой, будто пытаясь влюбить его в себя, в свое тело, в свою странную и безумную душу.

Я попытался схватить пистолет, но она снова опередила меня.

– Сейчас рискну предположить, что ты решил меня убить, – она улыбнулась, тут же разразившись громким смехом, – вот видишь, я тоже умею писать стихи!

Честность заставляла меня признать ее правоту. Она была остроумной, что впрочем, не мешало ей быть безумным чудовищем.

– Конечно, я недоделанная! – заговорила она, словно угадывая мои мысли, – но ведь родителей не выбирают. Папа у меня всегда был психом! Правда, он-то слегка, а вот мама…

Она скривила рот и ужасно нахмурилась. Я удивился, что ее маленький узенький лобок мог так хмуриться, неожиданно покрываясь густой сетью морщин, мгновенно превращая молодую красавицу в старуху.

Сзади нас послышался треск ломаемых сучьев, и повернув голову, я увидел грибника с корзиной, юношу лет двадцати, и в очках со стеклами, в которых его глаза расплывались и моргали как тропические насекомые. Завидев две наших голых фигурки на красном одеяле посреди густой травы, он тут же залился громким смехом, и в этом была его трагическая ошибка, ибо, не заметив по своей близорукости пистолета в ее руке, этот бедняга поплатился собственной жизнью.

Выстрел действительно прозвучал почти беззвучно, только маленькая пружинка тихо звякнула где-то внутри металлического корпуса пистолета и опять вернулась на свое место. Так значит, тот выстрел, который я слышал, то есть сам звук выстрела существовал только в моем подсознании, хотя в реальности он поглощался глушителем.

На какое-то мгновение я представил себя звуком, который поглощался обезумевшей стервой, успевшей за одно мгновение снова возбудить меня своими хищными прикосновениями.

В эти странные минуты жестокости, похоти и ослепляющего оргазма, когда она извивалась подо мной змеей, уже не выпуская из рук пистолета, я вдруг почувствовал свое раздвоение: я был с ней, был в ней, и я был снаружи, кружась невидимым созданьем над тем лежащим пареньком, и над его уже пустой корзиной, из которой вмиг рассыпались грибы… Они лежали будто его годы, в них были дни, в них жили еще чувства… И все они исчезнут без следа…

И еще странное, просто удивительное сочетание двух слов: «гриб» и гроб», вызвали во мне такое лихорадочное содрагание всего тела, что она восприняв это как оргазм, тут же застонала и вскрикнула, неожиданно передавая мне в руку пистолет.

Я ощутил тепло ее руки, исходящее, исходящее от рукоятки пистолета, и почувствовал какое-то внеземное облегчение, теперь я могу ее убить, если только захочу, но я ничего не хотел, я не хотел ее убивать, ни терзать, ни ранить, я хотел только одного, вырваться от нее на свободу…

Она мне хитро улыбалась, и от этой ее улыбки меня бросало снова в дрожь, ибо ждал я нового обмана и новой пытки, как и преступления, любого злого умысла души, души уже навек завороженной возможностью вкусить дыханье тьмы…

О, женщина, преступная женщина, ты преступна уже потому, что ты женщина! Потому что ты можешь рожать, а значит и совокупляться, совокупляться со всеми, с кем можешь найти свое наслаждение, а значит, и принести страдания тем, кто будет лишен твоих ласк, твоей нежности, твоего дыхания, твоей Любви! Откуда во мне возникли эти слова, я не знал, просто я знал, что могу сделать с ней все, что угодно, и это обманчивая иллюзия успокаивала меня, усыпляло, и словно в подтверждение моего сомнения она резко выхватила у меня из руки пистолет.

– Ты хороший, ты не убил меня! – она смеялась удивительно легко и свободно, и этот по детски наивный и глупый ее смех заставлял меня глядеть на нее как на чудовище, в то время как само ее обнаженное тело с заостренными сосками все еще возбуждало меня, заставляя меня видеть в ней женщину.

– Почему ты убила его?!

– А ты, зануда! – она мигом вскочила, и презрительно усмехнувшись, подошла к покойнику, а потом присела и стала мочиться ему в лицо. Сначала убила, а после надругалась!

Впрочем, это надругательство только для живых, а для мертвых оно уже ничего не значит. Изо всех сил я пытался успокоить свою душу, и никак не мог, все тело, все мысли, все во мне ходило ходуном. Я совокуплялся с чудовищем, и испытывал с нею оргазм, наслаждение, а следовательно, я сам чудовище, или могу быть чудовищем! Эта мысль поразила меня.

– Теперь твоя очередь, – улыбнулась она, направив на меня дуло пистолета.

Мне стало страшно, я понял, что она способна на все, а мне очень хотелось жить, и поэтому ради своей жизни я с трудом поднялся, и с таким же трудом подавив жуткое отвращение к ней, и к себе, помочился на покойника.

– Ну, вот, теперь мы сообщники! – засмеялась она, а я вдруг поймал себя на мысли, что она просто сумасшедшая. Ну, не может разумный человек просто так мучить, насиловать другого, и просто так убивать проходящего мимо, и пусть сексопатологи мира описывают в своих трудах разнообразных маньяков, которых возбуждает запах крови, но я уже никогда не смогу думать о них как о людях, ибо их сумасшествие выходит далеко за рамки земного существования, ибо оно в одинаковой степени аморально и ирреально.

– Что ты плачешь, глупыш, – она погладила меня по голове одной рукой, другой, прижимая ствол пистолета к моей спине, и было даже не понятно, то ли она успокаивала меня, то ли угрожала мне?!

– К черту! – крикнул я, мое терпение лопнуло, и оттолкнув ее, я быстро зашагал, как был голышом, с поляны в глухой лес.

– Стой! – крикнула она, и тут же выстрелила мне в ногу. Боль обожгла бедро, и я упал. Я перестал думать, видеть, слышать, на какое-то время я исчез из собственной жизни.

Время, которое человек проводит в глубоком обмороке или сне не имеет границ. Мозг человека живет своей, совершенно независимой ни от кого жизнью, утрачивая связь не только с телом, но в какой-то степени и с душой, потому что душа его где-то прячется, на время растворяется в воздухе, которым дышит ослепленный разум…

Я проснулся лежащим на кровати. Мои руки и ноги были крепко привязаны к спинкам, моя левая нога и грудь были аккуратно перебинтованы, а возле кровати стояло кресло, в котором сидела она, такая же голая и сумасшедшая, как и несколько часов тому назад.

Что делать человеку, когда наваждение не исчезает, а постоянно преследует его, доводя до безумия?! Я решил эту задачу очень просто, я решил вместе с ней сойти с ума, как она сама того захочет, иными словами, плыть по бурному течению, доверяясь обезумевшим волнам!

– Я привязан, значит, ты мне не доверяешь! – усмехнулся я.

– Ага! – хохотнула она в ответ, и тут же сев на меня верхом, стала раскачиваться из стороны в сторону, упрямо возбуждая меня, и ослепляя мой разум.

– Это членовредительство, – еле шепнул я.

– Нет, это членоласкательство, – засмеялась она еще громче, и я уже с ужасом почувствовал, что и на самом деле схожу с ума. И в голове моей помимо моей воли кто-то зашептал слова необыкновенной, неизвестно откуда взявшейся молитвы: «Доколе, Господи, будешь забывать меня в конец, доколе будешь скрывать лице Твое от меня?! Доколе мне слагать советы в душе моей, скорбь в сердце моем день и ночь?! Доколе врагу моему возноситься надо мною?! И когда разрушены основания, что сделает праведник?! (Псалмы Давида 12, 10)

Она еще много раз возбуждала меня и овладевала моим телом, и в этой лютой ее ненасытности я, как ни странно, опять раздваивался: одно мое «Я» получало свое половинчатое удовольствие, другое «Я» дремало, превращая себя в мимолетную тень. Временами я куда-то проваливался, исчезал, а когда возвращался назад в тело, то думал, что эти мгновения уже никогда не повторятся, но они с неукротимой силой повторялись, доказывая мне, что я могу испытывать необычайную радость с наслаждением даже от такого чудовища, каким была она. Оказывается, даже сама принадлежность ее омерзительному телу доставляла мне не менее омерзительное удовольствие!

– Бедный, бедный мой малыш, как ты страдаешь! – она состроила мне мученическую рожу, и тут же снова разразилась безумным смехом. А в моей голове, как со дна моей же несчастной души всплыли стихи, и потекли, потекли: «Гром и буря, Тело и тело, Груз от мгновенья уносится в полночь, Сущая сволочь чувства рисует, пуская дух в дело, со мною как с тенью, и как с Богом всуе…»

Потом она кормила меня с ложечки как ребенка, а когда я мочился, подкладывала под меня судно.

Я же в эти минуты мысленно говорил себе, что это не я, что это происходит не со мной, а с кем-то другим, кто не имеет ко мне никакого отношения. Мысли в голове пере-ворачивались вместе со сменой ее настроений.

Она могла долго смеяться, чтобы потом заплакать, а когда она впадала в депрессию, она кусала меня как голодная собака, иногда оставляя на моем теле глубокие шрамы. Боль, страх, наслаждение, все было безумно перемешано

и в ней, и во мне… Бывали минуты, когда я получал от нее такую головокружительную радость, как ни от одной на свете женщины, и такое волшебное удовольствие, которое было не передать никакими словами, но стоило ей напомнить мне о своем безумии, укусчить или ударить меня больно-пребольно, как густая пелена моего разгневанного разума перечеркивала вмиг все то светлое и чистое, что я в ней еще совсем недавно находил…

В это время она и сама злилась, то кусая, то лаская меня как младенца. В комнате, где я лежал, от красных занавесок разливалась кровавая тень, которая, по-видимому, очень возбуждала ее ненасытный сексуальный орган.

Также ее возбуждал и запах, цвет и вкус моей крови.

Иногда исцарапав и искусав всего меня, она высасывала мою кровь из ран как оголодавшая сука, причем я явственно слышал ее похотливый скулеж, и покрывался холодным потом, и думал, думал, черт возьми, о том, как бы она однажды не вошла во вкус, и не проглотила меня целиком!

Еще моему чудовищу нравилось испражняться надо мной, особенно над моим лицом, в эти секунды я полностью выходил из себя, меня как-будто и не существовало, а в моей бренной оболочке поселялась пустота… Хуже всего, что ее еще мучили запоры, и тогда ожидание мерзости растягивалось на долгие часы… Она кряхтела надо мной как гадкий зверек, будто вся ее безумная натура была заключена в одном лишь акте испражнения. Правда, потом она обмывала мое лицо, все тело, и с игривой улыбкой прижималась ко мне, и полушепотом говорила: «Я как хлебопашец, засеяла землю, удобрила ее, а потом с любовью валюсь на нее и гляжу только в небо и ни о чем уже не думаю!»

– Человек не может видеть греха, если наслаждается своим грехом, – говорил я в ответ.

– Да, ты никак праведник?! – удивлялась она, и каталась от смеха по полу как сумасшедшая.

«Все люди сволочи! – думал я, глядя на нее, – и она тому – самое лучшее доказательство!»

Впрочем, за многие дни и ночи, проведенные у нее, я передумал столько, сколько врядли бы передумал за целую жизнь. Проблески моего несчастного разума постоянно вырывались наружу между кормежкой, испражнениями, истязаниями и половыми актами.

Кроме всего прочего, всегда существовало временное окно, когда она куда-то уходила, а я оставался один, в темноте и взаперти, я пробовал, было кричать, но только охрип. Уже тогда я понял, что эта комната находится где-то за городом, где нет никого, кто бы услышал меня или отозвался на мой жалобный крик, крик о помощи.

Еще я пытался вырваться из пут, но путы были сделаны на совесть, из чистой кожи, из железных колец, связанных между собой безумием алкающей мое тело стервы. Впоследствии я даже придумал, как буду умирать, я буду умирать в тот самый момент, когда она будет испражняться на меня, и я умру как великий Гераклит в нечистотах, только никто не будет знать об этом кроме нее, медленно сосущей мой истлевающий разум, а с ним и распадающееся на части тело. «Если тело-сосуд, если я – человек, срам найдет свой же суд и исчезнет вовек…

Если слезы – вода, если тьма – это свет, пусть мой взгляд никогда не разыщет ответ…» – совершенно неожиданно я обнаружил, что стихи представляют собой некие формулы, в которые человек заключает себя и все окружающее его пространство, а разум как бы просеивает через себя все предметы, выделяя только значимые для него в данный момент, и исключая полностью другие, создавая таким образом иную реальность, фантасмагорию бытия уже несуществующего, а переживаемого и принадлежащего только художнику.

Однако ей я принадлежу как вещь, таким образом, из живого существа я превратился в мертвую принадлежность, служащую ей только в одном плане: нож, чтобы резать, я, чтобы трахать, и быть использованным во всех ее безрассудных поисках наслаждения, пока я не сойду с ума или не умру от загнивающих пролежней! В какой-то день она осознала, что со мною что-то не так, не в порядке.

Она часа два безуспешно пыталась возбудить меня всеми своими мыслимыми и немыслимыми приспособлениями, и ртом, и грудью, и своим ненасытным влагалищем, но все было бесполезно: я ощущал боль, и эта боль была сильнее даже страха смерти. Наконец она это поняла, до нее вдруг дошло, что я уже больше месяца мучаюсь от пролежней.

Тогда она отвязала меня. У меня едва хватило сил, чтобы перевернуться на живот.

– Ты, негодяй! – вскрикнула она в испуге, – в твоей спине завелись черви!

Выходит, по ее мнению, я и был виноват в том, что больше месяца лежал привязанным к кровати, и поэтому дозволил поселиться в моих загнивших пролежнях червям.

– Я не знаю, что с тобой делать, может мне просто тебя убить? – захныкала она.

Она вышла на минуту из комнаты и вернулась, держа двумя дрожащими руками пистолет, но только она приблизилась ко мне, как ее тут же от охватившего чувства омерзения при виде шевелящихся во мне червей стало тошнить, и она выронила пистолет. Я тут же слетел как хищная птица вниз, вслед за упавшим пистолетом, и, схватив его, направил дуло в нее. Она попыталась его вырвать, и я выстрелил.

– Убийца! Ты убил свою девочку! – простонала она и упала.

Потом я выстрелил в нее еще и еще, я стрелял до тех пор, пока не кончились патроны, и даже после того, как она уже лежала с кровавыми дырками в белом халате возле меня на полу, я все еще нажимал и нажимал на курок, совершенно ничего не чувствуя и не слыша…

Несколько месяцев я пролежал в больнице, сначала в обычной, потом в психиатрической, но лечение моей Души не дало никаких положительных результатов. Я до сих пор разговариваю сам с собой и молчу с людьми, я уже не могу быть мужем жене, мужчиной – любовнице, не могу заниматься бизнесом и добывать деньги, жизнь потеряла для меня смысл, из-за чего все меня бросили или забыли, но я все равно рад, рад, что живу, живу и ничего не делаю и ни от кого не завишу. От одиночества я завел себе беспородного пса, с которым каждый день хожу в лес, где просто брожу между деревьями и ищу то самое место, ту поляну, где лежал мертвый паренек с грибами, и где я не смог защитить ни его, ни себя.

Временами мне кажется, что этой поляны, как и самой женщины в моей жизни никогда не существовало, порой я так уверяюсь в этом, что начинаю смеяться, и смеюсь до тех пор, пока мой смех не переходит в истерические рыдания.

Я знаю, что плакать также бесполезно, как что-то искать, да и какой смысл искать, если я ничего не могу поделать с собой, хотя бы, потому что Тайна Души всегда остается Тайной, и ни одному смертному не придет в голову разгадать ее хотя бы даже перед Смертью…

Любовь на всю жизнь

Любовь сильнее Смерти.
Песня Песней Соломона

Мы встречались с ней после уроков. Когда все учащиеся с учителями покидали школу, и в ней оставалась одна только старенькая уборщица, которая мыла полы в одном из самых дальних коридоров. Мы прятались в кабинете зоологии за шкафом. Именно там она раздевалась до трусов, но потом снимала и трусы. Я абсолютно ничего такого не делал!

Ну, если только иногда дотрагивался до нее, трогал ее тело, так это я просто так, просто восхищался ее красотой. А еще я очень робко целовал ее. Иногда она говорила мне, чтоб я целовался смелей, но у меня как-то не получалось. Лизка тогда говорила, что надо быть очень наглым, потому что это девчонкам нравится, и я действительно сходил с ума, я целовал ее так, что не давал ни ей, ни себе ни единого продыха, и тогда она била меня по щекам, и говорила, что я ее не целую, а кусаю, крокодил этакий, и что я вообще дурак, а как мне не быть дураком, если я это только по телеку видел, да от дружков слышал, только они-то все больше хвастались, а потом не будешь же с пацанами тренироваться, как целоваться, я ж не голубой, и ваще, в этом возрасте всякий чего не то выдумывает, то свою, то женскую писку в туалете нарисует, а потом целый день восторгается сам собой, глядите, мол, профессор по большой любви, а в частности, в деталях и по сексу…

В общем, мы с Лизкой по-тихонечку ото всех учились, как лучше соприкасаться друг с другом, и постепенно у нас даже совсем не плохо стало получаться, до сношенья мы, конечно, не дошли еще, поскольку учились только в 6-ом, и честно говоря, боялись, а вдруг забеременеет, вон, в соседней школе одна родила, так и не смогла школу закончить, ну на пятерки-то, так что на тройки и сдала, то есть ей из жалости эти троечки вывели, хоть какой-никакой, а аттестат зрелости, вот она и замуж сразу выскочила, и ваще, ей эта учеба была по фигу, па нам вот еще рановато жениться, поэтому до этого дела старались не доводить, а родит какого не то ребятеночка, и куда его потом девать, ведь родители-то с ума сойдут, а папаша ее еще возьмет, да застрелит меня, он ведь у нее в охране работает, а им оружие по службе полагается, так он возьмет свой служебный пистолет, выпьет где не то для храбрости и подкараулит меня после школы, и бабах прямо в сердце! И каюк!

А мои родители на него тогда в суд подадут, но мне уже все-равно будет, а поэтому ныне и присно во веки веков мы еще все целуемся, целуемся и будем целоваться, пока не надоест, а это нам ужо не надоест, правда, мы пока понемножку целуемся, учимся пока, и трогаем друг дружку, а иначе нельзя, зоологию-то нам преподают, а мы ужен впереди всех анатомией занялись, хотя совсем недавно был ужас!

Училка по зоологии в класс зашла, и стала какие-то тетрадки искать, а мы за шкафом и голые, и одежа у нас, как назло за партой, не оденешься, а эта все копошится и копошится себе, то в столе, то в шкафу, а мы за ним чуть с ума не сошли, хорошо еще она копалась час, а если бы два, три, четыре, весь вечер, всю ночь, как бы мы домой пошли, под утро что ли только попали, а потом бы нас родители за ручку как маленьких водили, да караулили бы везде, а если не дай Бог застакули бы, так вообще бы из школы выгнали с позором, а родители бы нас потом сами по разным школам распихали, а разве в другой школе я бы нашел такую классную девчонку?! И-эх,

чего только непонавыдумываешь, когда голышом за шкафом с Лизкой стоишь, а тебе зуб на зуб не попадает, и от холода, и от ужаса, что училка твою половую принадлежность разглядит, правда, не долго мы парились, а потом я Лизку с испугу так серьезно поцеловал, прямо там за шкафом при училке, и у нас так здорово все получилось, что постепенно я

проникся к ней уважением, а тех, которые бы в этом засомневались, я бы просто огрел палкой, так как целуюсь я действительно уже намного лучше, чем в прошлые разы, и уж совсем не кусаюсь как раньше, и дышем мы с Лизкой порывисто как тепловозы, и зубами не стучим, даже когда уборщица возле класса своего кряхтит, склоняясь над тряпкой, и стишки какие-то лезут в голову: «Люблю тебя я из последних сил, за это даже двойку получил!», и потом у нее такая безумно красивая рожа, ну почти что как у Клавди Шифер, у меня у самого шифер с головы сносит, или уже сама крыша, а еще Лизка так научилась целоваться, что я ваще окосел, никакой травы не надо, а то ходят здесь всякие придурки, да травку вместо счастья предлагают, а я плевать хотел на них, психи недорезанные, а еще у нее такие грудки, волшебные как незабудки, красивые аж просто загляденье, а потом она помогает мне по математике, но дома нас ее родичи опекают, павпашка ее так и бдит, как бы я ее не обрюхатил, как будто что-то чувствуют ужено наша тайна остается тайной за шкафом в классе, где нас двое в темноте…

Ох! Ах! Десятый класс! Лето! Поход всем классом. У реки в палатках! У березолвой рощи с костром! С гитарами! О чем поет ночная птица?! А сверху звезды, луна. А здесь винишко, сигареты и опять она, веселая и несерьезная! Шепот в ухо: «Пошли!» Идет за деревья, за кустики, и еще дальше в темноту. Уже не слышно голосов. Мы целуемся и ложимся на траву, и быстро очертя голову, я срываю с нее трусы.

Они влажные, со страху обмочилась, бедная, ну, ничего, бывает, бывает! И потом уже ведь не до этого, не до этого, просто надо очень-очень осторожно, ах, да, конечно, да не туда, а сюда, вечно тебя учить надо, это она мне, вот так, как положено, а как положено?! – а черт его знает, нет, это Бог знает, Бог знает все, а потом он еще знает, что он ничего не знает, а это уже Сократ, только Сократ тоже Бог, это для философов он Бог, а для нас с тобой?! – для дураков тоже! – хороший ответ в нашу первую и внебрачную ночь, ух, как стрекочут насекомые, как завывают комары, и кусают, жрут безо всякой пощады, без жалости, но нам почти не больно, мы утонули друг в друге, погрузились будто на самое дно нашей юной влюбленной Вечности, и вскоре мы ничего не ощущаем кроме самих себя, а над нами Океан звезд, а под нами теплая черная влажная земля, и в нас то же самое тепло и влага, и через многие годы будет все также, правда нас с тобой уже не будет, но кто-то ведь будет?! – конечно будет, наши дети! – заговорила о детях, и это после всего, что было, – меня пробирает страх, страх ее тела, страх беременности и очень-очень ранней свадьбы, а как хочется подольше побыть молодым, и погулять, – погулять?! – погулять, но только с тобой! – ну, то-то! – да, с тобой, но без всякого домашнего хозяйства! – а, вот это уже хамство! – ну, почему?! – потому что баранки гну! – ну, ладно со всем твоим хозяйством! – ну, то-то! – и просто гулять все дни и ночи напролет, а когда закончим школу поступим в одни институт и выучимся с тобой на юристов! – и будем в постели разъяснять друг другу законы! ха-ха! каждую букву закона, не смейся! ты мне один закон, я тебе другой, ты будешь сажать людей, а я разъяснять! а может наоборот! а может наоборот! и что же ты обязательно их посадишь, если я их буду защищать?! ну, почему же, когда ты будешь защищать, я их ни за что не посажу, ваще оправдательный вынесу! ну, ты и даешь! и работать будем вместе! а кто нам разрешит, если мы будем муж и жена-то?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.